

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОМАНОВЫХ ПОДТВЕРЖДАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ И РАЗВАЛ ИМПЕРИИ

V.V. Bandurkin

FOREIGN POLICY OF ROMANOV'S CONFIRMS THE EXISTENCE AND COLLAPSE OF THE EMPIRE

Развал Империи (внешние события)

Начну с постулата (доказательства см. в работах Фоменко), что в XIV–XV веках Европа покорена Империей. Называйте ее по своему вкусу Монгольской, Русской, Турецкой – все эти термины неправильны, так как подсознательно воспринимаются через привитые нам с детства образы. Монгольская – Чингисхан, сотни тысяч визжащих раскосых кочевников, безжалостных и бесстрашных. Русская – так и хочется исправить на «Российская», но тогда сразу встает образ либо Петровской нарождающейся империи, либо ассоциации с более поздними Екатерининской, Николаевской и т.д. Турецкая – тут и вовсе уходим далеко от предмета. Просто Империя.

Итак, существует Империя, с центром во Владимире (Ярославле). С очень сложной внутренней жизнью (сосуществование различных культур и языков, из которого выросла уникальная веротерпимость и добродушие русского народа). Империя эволюционирует в своем развитии – Империя времен завоевания Европы весьма однородна, как однороден молочный коктейль; Империя времен штурма Константинополя уже начинает расслаиваться, как тот же коктейль через полчаса после приготовления, но еще достаточно однородна наподобие личного состава Советской армии во Второй мировой войне; Империя времен Ивана Грозного уже де-факто разделилась на Россию и Турцию, как СССР на РФ и Украину в январе 1992.

Эта Империя подчинила Европу, и европейским народам (как нации они еще себя не ощущали, и ощущать-то начали в противовес завоевателям, национальность стала как бы центром кристаллизации морального сопротивления) подчиненность, естественно, не нравится. Бо-

роться военной силой нет никакой возможности: несравнимо сильнее профессиональная имперская армия – казаки, а централизация Империи позволяет мгновенно получить подавляющее преимущество на любом театре военных действий, если перейти к открытой борьбе. Но такая централизация – ахиллесова пята Империи: достаточно сменить верхушку, и вся пирамида начнет работать не во благо Империи, а с той же силой ей во вред. Вот и пошли попытки сменить верхушку Империи. Сначала неудачные (опричина и ее подавление Симеоном Бекбулатовичем), потом успешная (Смутное время).

(По похожему сценарию разворачивались события сразу после «Великой Октябрьской социалистической революции»: до сих пор помню огромную карту «Победоносное шествие Советской власти» с флажками-датами установления власти Советов. Петроград – 25 октября, Казань – 1 ноября, Челябинск – 5 ноября и т.д. Советская власть была установлена по всей Российской империи менее чем за месяц! Другими словами – захватили верховную власть, все вертикали механизма власти работают. Дают команду, не просчитав ее последствий для механизма. А на местах видят: пришел приказ от верховной власти – устроить Советы. Устроили. Чем это кончилось для верховной власти через полгода – напоминать не надо. Под ее правлением осталась Московская область ...)

Итак, Империю удалось расколоть. На неравные, естественно, куски. Как почти всегда бывает, кусок с атрибутами верховной власти – столица (она была перенесена во вновь отстроенную Иваном Грозным именно как столичный город Москву) – был самым маленьким по площади и ресурсам (слишком много претендентов, наиболее яростная борьба за **символ власти**), но наиболее лакомым – позволял представить владельца **наследником** Империи. Рассуждения

¹ Инженер-технолог (радиоэлектроника), г. Москва.

© Бандуркин В.В., 2014.

претендентов на столицу просты – плевать, что захватили власть несправедливо, не по закону. Пока там разберутся, что по закону, а что нет, я буду выступать как **законный** наследник, и в силу инерции мышления меня таковым и начнут признавать. А уж подвести юридическую базу под реальную власть...

Завладеть столицей стремились и авантюрные личности (Болотников, казачьи атаманы), и государства непосредственно (поляки со своим Владиславом), и государства опосредствованно (шведы сами не лезли, а помогали Шуйскому деньгами и войском).

Традиционно нам рисуют следующую картину расклада военно-политических сил в это время: захватчики-поляки пытаются навязать Руси чуждого ей царя; благородные государственники-россияне по мере сил обороняются, вынужденно прибегая к помощи благородных иностранцев, кои почти даром помогают и в дальнейшем благородно не лезут в русские дела. Но не забудем, что эту традиционную картину рисовали **победители** (читай – Романовы). Попробуем посмотреть на события чуть более скептически.

Итак, идет борьба за столицу. Обосновавшиеся при Лжедмитрии поляки (уже почти победили!) лихорадочно пытаются утвердить на троне Владислава. Болотников, Зарубин и другие «батьки» всех мастей вступают в сложные альянсы, то предавая, то поддерживая друг друга. Законно избранный боярской думой царь Василий Шуйский кажется фигурой чисто номинальной, да еще ограниченной при вступлении на престол подкрестной записью (своего рода гарантийные обязательства боярам).

Но существует весьма важный (для понимания подводных течений исторического процесса) международный договор, который был заключен в 1609 году Василием Шуйским со шведским королем Карлом IX – о дружбе (против поляков и Болотникова), взаимопомощи (конкретно, шведы предоставляли Шуйскому 2 000 конных рейтар и 3 000 пехоты, с нашей кормежкой и гарантированным минимумом оплаты. Для внешней равноправности договора Шуйский обещал шведам то же количество войска по первому их требованию). За это Шуйский отказывался навечно от завоеванной Иваном Грозным Ливонии [С.М. Соловьев. Сочинения. – М. : Мысль, 1989. – Кн. 4. – С. 519–521].

И самое главное – о дальнейшей судьбе Империи. По этому договору русский царь мог назначить наследника по своему усмотрению. Если же он умрет, не назначив наследника, то государство переходило под власть шведского

короля (!!!). Великолепный ход шведской дипломатии! Захват власти и наведение порядка делает Васёк (в прямом и переносном смысле), после чего легко догадаться, долго ли он заживется на этом свете... Кстати, особую пикантность этот пункт приобретает, если вспомнить, что все следственные мероприятия по расследованию убийства царевича Дмитрия возглавлял именно Василий Шуйский (а я, много прочитав про это дело, уверен – именно Шуйский организовал и убийство, и последующее заматывание следов). Очень уж рвался к власти, элементарную ловушку проглядел... Этот пункт договора тоже внешне равноправен, ибо сформулирован: «ежели кто из государей умрет без наследников, то другому под руку свою его державство взять, дабы общему лиходею державцу польско-литовскому торжества не было». Вот только не было в это время великой смуты в шведском королевстве, и проблем с престолонаследием там тоже не было.

Но не успел Шуйский навести должный порядок. Заточили его в монастырь, постригли в монахи, а 5 000 ландскнехтов (и еще около 10 000 наемников под предводительством Делагарди) составили основную ударную силу ополчения Минина и Пожарского, изгнавшего поляков. После освобождения Москвы наследник Карла IX Густав II Адольф **распоряжается** созвать всенародный собор для избрания царя (каштан еще горяч, нужны чужие руки для вытаскивания. Да и декор собласта...)

А риска никакого, договор-то подписан с царем Московским, а не с конкретно Шуйским. Значит, только и надо, чтобы выбрали «правильного» царя. Проверенные кандидаты есть – род Захарьиных-Романовых, активнейших участников опричнины, первой (неудачной) попытки развалить Империю. И Собор избирает 21 февраля 1613 года Михаила Романова – по любым источникам, недалекого разумом и слабого здоровьем. Взойдя на престол, Михаил Романов **подтверждает** положения договора между Шуйским и Карлом (хотя, казалось бы, зачем – он только что легитимно избран, начинает правление, так сказать, с чистого листа), в том числе и пункт о престолонаследии. Правильного царя избрали...

Здесь фортуна на миг повернулась лицом к Романовым – Густав II Адольф погибает в битве при Лютцене, ему наследует королева Христина, которая либо не знала о великолепном замысле свекра и мужа, либо не сумела его реализовать, либо просто не захотела возиться. Романовы получили передышку (Михаил поспешил присяг-

нуть Христине), но мина под их троном осталась и впоследствии сработала.

Предлагаю еще раз взглянуть на шведскую комбинацию в «чистоте». На первом этапе военной силой поддерживается самый слабый претендент (а не Романовы сразу), причем войска вводят по его просьбе и на основании «равноправного» договора. Когда войска введены, слабый претендент уже не нужен (его устраняют), войска передаются более деятельному, оговорив переход власти гарантиями со стороны ставленника. Третий этап – легитимный переход власти к разработчику комбинации (в нашем случае его либо сочли ненужным – Михаил был достаточно управляем, либо не сумели провести). Исполнители, кои могут претендовать на многое, выводятся из игры (князь Пожарский смело мог претендовать на трон, был ближе Романовых к предыдущей династии. После 1613 года «спаситель земли Русской» занимал третьестепенные должности и даже привлекался к суду за долги). Более неприязнительных приближают (тот же Делагарди занимал при Романовых высшие должности).

Интересно, что поляки чуть ранее действовали по точно такой же схеме! Поддержка слабого претендента (Лжедмитрия), за его спиной входят в Кремль, устраняют, и, совмещая второй и третий этапы, сразу пытаются поставить своего царя. Видимо, эта торопливость и провалила дело – не успели массы свыкнуться с предложенной схемой передачи власти.

Какие еще куски остались от Империи? Близкий и хорошо освоенный юг современной России. Там сосредоточено гораздо больше ресурсов, но на этот кусок у Романовых пока не хватает сил (при описании деятельности Михаила упоминаются сотни топонимических терминов, но все они касаются близких к Москве районов. Самый южный из упомянутых – Орел). Турция (совсем как Украина после декабря 1991) становится полностью самостоятельной и ведет собственные политические и военные действия, оставаясь, впрочем, вполне дружественной. И самый огромный кус – азиатская часть Империи. С ней, видимо, на первых порах поддерживался своеобразный симбиоз – совершенно как у современной РФ с Таджикистаном (охрана границ, транспорт, торговля). В последней четверти XVII века русские чиновники принимали участие в демаркации границы этого осколка Империи с Китаем (знаменитая Китайская стена), а в начале XVIII века помогали в укреплении этой границы (работы прадеда Пушкина Ганнибала на китайской границе, или, как писал сам поэт: «измерение Китайской стены»).

Вернемся к Романовым. Спасенные провидением от третьего этапа «шведской комбинации» (а у меня нет ни малейших сомнений, что, проживи Густав II Адольф лет на пять подольше, Романовы повторили бы судьбу шведского парламента, расстрелянного этим королем при попытке ограничить его власть), они потихоньку налаживают жизнь на отведенном пятачке (территория в границах Архангельск – Кострома – Самара – Саратов – Воронеж – Смоленск – Псков – Архангельск). Подкопив сил, начинают верить, что и в самом деле **праведные** наследники Империи. Откусывают территории у соседей (под лозунгом «наши исконные»): у поляков – Украину; и, совсем «наглость потеряв», в 1656 году пытаются отнять у братьев-шведов Ливонию. Правда, шведы быстро объяснили своим ставленникам, «кто из ху», и уже через полгода второй Романов – Алексей – прекращает боевые действия, возвращает захваченные города, подписывает Кардисский «вечный мир» в качестве «младшего брата», то есть проигравшей стороны, и признает все пункты договора 1609 года, в том числе и пункт о переходе русского престола к шведскому королю в случае своей смерти без объявленных наследников. Разумеется, через 50 лет это уже не выглядело столь страшным, как в 1613, но и Михаил, и Алексей тщательно оговаривали в «духовных» имена своих преемников.

В последней «духовной» Алексей назначил преемником старшего сына Федора, судьбой же среднего Ивана и младшего Петра не распорядился. Правивший 6 лет Федор (при нем закончился первый этап переделки русской истории – об этом во «Внутренней политике Романовых...») детей не имел, поэтому завещал трон родным (Милославским по матери) брату Ивану и сестре Софье. Более того, до совершеннолетия Ивана править страной должен был ... **шведский король Карл XI (!!!)**. Судьбой же единокровного (Нарышкина по матери) брата Петра Федор, как и его отец, не распорядился. Тем самым по неоднократно подтвержденным договорам (а мы убедились, как тщательно именно **эти** договора выполнялись!) Петр **был лишен прав на русский престол**.

Дальнейшие события будут малопонятны без краткого политического обзора. После присоединения Украины к России Карл XI попытался захватить остальную территорию Польши, раздираемую феодальной вольницей. Что-то ему удалось, что-то нет, но к моменту смерти Федора Россия, Швеция и Польша составляли классический треугольник «заклятых друзей». Милославские больше склонялись к улучшению от-

ношений с Польшей – это позволяло им крепче держать при себе Украину, поскольку отец и сын Хмельницкие не скрывали, что союз с Россией – лишь первый шаг на пути к «незалежности». Большинство же высшей знати России тяготело к полной самостоятельности, не понимая всей моральной тяжести для Романовых договоров со шведами.

Сразу после смерти Федора в Кремле было созвано собрание высшей знати, на котором Иван был признан «скорбным головою», и решено было венчать на царство Петра. Софья ответила стрельцким бунтом и сразу дала понять, кто будет потерпевшим – был зверски убит родной дядя Петра Иван Нарышкин. На царство короновали обоих братьев, Софья стала правительницей (регентом), но мало кто сомневался, что скоро царь останется один... Карл XI немедленно вмешался. В письме Софье он очень резко заявил, что если в России повторится история с убиением царевича, то он вторгнется в Россию и займет по праву принадлежащий ему русский трон. Софье пришлось оставить Петра в покое и уверить Карла XI, что «вечный мир» со Швецией в угоду Польше нарушен не будет.

Буквально через год маятник качнулся в обратную сторону – вновь спровоцировав выступление стрельцов, окружение Петра мгновенно разгромило восстание, казнило стрельцкую верхушку и постригло Софью в монахини. Скорее всего, эта операция была организована именно Карлом XI – он первым поздравил Петра с победой над сестрой. В ответном письме Петр называет Карла XI «родным батюшкой» и присягает ему на верность. Присяга была повторена после смерти Ивана...

Иван умер без наследников и без завещания (подразболтались Романовы за сто лет, страх позабыли! А то и вправду был «головой скорбный»). Петр получался полным самозванцем. Карла XI этот момент тревожил мало, присягам Петра он верил, а скорее, верил в действенность ужаса, испытанного Петром во время стрельцких бунтов. Тем более что из Швеции «в порядке оказания гуманитарной помощи» шел поток военных и технических специалистов («в чем разница между иностранным специалистом и шпионом? – В названии!»)

Но население России разбиралось в вопросах легитимности власти ненамного хуже власть предержащих. Петра считали самозванцем, «антихристом», резко увеличилось число мелких восстаний и бунтов, разбойничьих шаек. Вновь запахло смутой. Для повышения авторитета нужна была национальная идея, лучше с «маленькой,

но победоносной войной». Идея нашлась – Петр решил возглавить общеевропейский крестовый поход за освобождение от турок «отчины и дедины своей Цареграда» [попробуйте объяснить этот лозунг с точки зрения ТИ! – БВВ]. Именно эта идея и была ведущей для работы «Великого посольства», в состав которого входил «бомбардир Петр Михайлов» – очень сомневаюсь, чтобы сверхдеятельный Петр поехал на экскурсию в указанной выше внутривосточной ситуации. И именно внутренние дела заставили прервать поездку и вернуться. По дороге Петр нанес визит саксонскому курфюрсту Августу II, который и убедил Петра, что организация европейской коалиции для войны с Турцией – дело долгое, успех войны проблематичен (в чем Петр уже убедился по Азовскому походу). Проще присоединиться к уже готовой коалиции Дании, Польши, Пруссии и Саксонии для войны со Швецией – и вернуть прибалтийские земли, которые тоже «отчина и дедина». Надо ли говорить, что Август II преследовал прежде всего свои интересы...

Чеканная формула «нет постоянных друзей, есть постоянные интересы» еще не была сформулирована, но уже всю работала. Петр не присягал уже взошедшему на шведский трон Карлу XII, а то, что присягал его отцу, – как бы «не считается». Секретный договор предусматривал одновременное нападение на Швецию всех участников коалиции. Четыре страны выступили в оговоренные сроки, а Петр замешкался в переговорах с турками. Это промедление погубило все дело и десять лет заставляло Петра трястись от страха.

Узнав о начале войны, Карл XII сказал своим советникам: «Пока за моей спиной верный мне младший брат царь Московский, вся Европа мне не страшна». [Обратите внимание: не русский, не российский – Московский! – БВВ]. Не сомневающийся в поддержке Петра Карл XII стремительными ударами поодиночке громит датчан и саксонцев, но в августе 1700 года получает от Петра ультиматум, унижительный и для шведов абсолютно невыполнимый. Оскорбленный вероломством «московита», Карл «вынимает из нижнего ящика стола альтернативу» – в ответном манифесте он «вспоминает», что Петр самозванец, а сам Карл – законный русский царь (что юридически совершенно справедливо). Швед объявил Петра низложенным, призвал «русских людей всех чинов и званий» сбросить иго самозванца и «не обнажать меча против законного покровителя своего и братьев шведов».

Месяц после «обмена любезностями» Карл ждал, что Петр образумится, не предпринимая

враждебных действий. Петр, не чувствуя, какую лавину стронет, осадил Нарву. Так же стремительно, как и под Копенгагеном, Карл появляется под Нарвой и с ходу атакует войска отступника...

Традиционно «Нарвская конфузия» объясняется настолько низкими боевыми качествами русской армии, что и четырехкратный перевес в численности не помог. Реально же первое бое столкновение в течение часа решило исход кампании: когда шведские полки сблизались с рядами псковских и новгородских стрельцов, вперед выехал полковник Штейнбок и прокричал: «Хотите ли за антихриста Петра смерть принять или повинитесь законному господину своему королю шведскому и примете от него милость?» И не надо обвинять наших предков в тупости и элементарной трусости – скорее уж, в законопослушности: стрельцы сложили оружие, вслед за ними перешли на сторону шведов практически вся армия Петра, кроме гвардейских полков и дивизии Вейде, продолжавших бой. Тут же выяснилось, что шведский король больше думает о судьбе своих русских подданных, чем Романов – Карл лично ворвался в гущу схватки, трубя своим войскам отбой. В молниеносных переговорах прямо на поле боя судьба русской армии была решена. Гвардейские полки и дивизия Вейде (организованные **после** 1696 года, и, следовательно, не присягавшие Карлу XI), были отпущены с почетом и ушли по специально для них наведенным шведскими саперами мостам с развернутыми знаменами и барабанным боем. В оставшихся частях (организованных **до** 1696 года, и, следовательно, отвечавших за нарушение Петром присяги) было арестовано до 20% офицеров, отказавшихся перейти на службу к законному королю, и их отвезли в тюрьмы Стокгольма [*то есть, если поверить ТИ, то в русской армии четверо из каждых пяти офицеров были предателями, нарушителями присяги?!*]. Еще раз хочу подчеркнуть: 80% офицерского состава под Нарвой – не трусы, не предатели, а честно выполнившие свою присягу воины. Вина лежит не на них, а на поставившего их в такое положение Петре I.

Кстати, сам Петр накануне описанного сражения «отъехал за подкреплениями» – узнал, надо понимать, о появлении Карла, и быстренько просчитал последствия обращения шведского короля к русскому войску... И гораздо понятней становится панический ужас Петра, полная прострация, испытанная им при этом бегстве (великолепно описано Алексеем Толстым). Действительно, не часть войска потеряна – потеряно

лицо, публично показана незаконность твоего общественного положения, скоро будет потерян трон, крах всего в жизни, полная невозможность что-либо исправить. (*Видимо, сходные ощущения испытывал Сталин 22 июня 1941 года, узнав, что Гитлер опередил его на пару недель. И реакция была сходная – неделю последний российский император был невменяем*).

Что делает наша «сладкая парочка» дальше? К сожалению, все обыденно. Карл надеется, что найденная схема будет работать и впредь, и не особенно торопится закрепить успех (короноваться в Кремле), занимается решением польских проблем. Изменениям, происходящим в русском обществе, соответствующего значения не придает, и последний шанс «пожнать плоды побед» упускает: в 1707 году презрительно отвергает предложение Петра о мире, называя Петра «не противником, а преступником, из тех, кого наказывают плетью».

Петр, «ум коего от ужаса обострился чрезвычайно», обрабатывает ситуацию сразу по нескольким направлениям: формирует новые войсковые части, офицеры в которых знают (по новому «Артикулу военному»), что в случае перехода на сторону противника все их родственники будут сосланы в каторжные работы, а имущество конфисковано. Разрабатывает новую тактику ведения боевых действий с использованием заградительных отрядов. Вплотную занимается идеологическими вопросами: «находит» краеугольный камень русской истории «Повесть временных лет» и начинает второй этап переделки русской истории. И боится открытого столкновения с Карлом, понимает его неизбежность (особенно после оскорбительнейшего ответа на мирные инициативы 1707 года), но все равно – как будет видно из дальнейшего – боится!

Разобравшись с европейскими делами, Карл в начале 1708 года решает, наконец-то, заняться Россией. И тут выясняется, что семь лет петровских реформ даром не прошли – манифесты и воззвания уже не срабатывают, население боится Петра больше, чем Карла, шведская армия двигается к Москве голодной и оборванной. Перед решающей встречей под Полтавой Петр имеет четырехкратное преимущество в живой силе и более чем шестикратное в артиллерии. Но (парадокс с точки зрения ТИ!) не нападает, маневрирует – боится! Нападение на авангард шведской армии под Лесной («Мать Полтавской победы») происходило при шестикратном превосходстве русской армии, но больше половины было распределено на путях возможного отхода – заградотряды! Аналогичное расположение рус-

ских войск при Полтавской битве – более половины в «резерве», причем наиболее проверенные войска на направлениях возможного отступления с приказом стрелять во всякого бегущего, «буди сам царь!» И совсем другой смысл приобретают обращения Петра к войскам накануне битвы: «Помните, что бьетесь вы не за Петра, но за государство, Петру врученное! А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога – жила бы только Россия!» Оказывается, это не просто высшее одушевление перед битвой, равняющее полководца и солдата, – это крик души правителя при риске потерять власть второй раз и уже окончательно.

Полтава ознаменовала собой не только все традиционно приписываемые ей этапы – перелом в шведских войнах, окончательное становление русской армии и т.п. Главное – Полтавская победа психологически перевела Романовых в разряд легитимных правителей, Петр и его наследники навсегда перестали бояться «шведского следа» в своей истории.

А вот «отчина и дедина Цареград» еще раз всплыла через сто пятьдесят лет, в начале Крымской войны. Именно такими словами объяснял свое наглое (по-другому не скажешь!) поведение посла Николая I Меншикова в переговорах с турецким султаном: Меншиков не встал

при появлении султана, потребовал у него казни «плохого» турецкого министра, а главное – потребовал передать России северное побережье Анатолии и проливы в Средиземное море, «ибо территории эти искони русскими были и такими впредь должны быть». И вот что странно (с точки зрения ТИ): эти требования не были расценены международной дипломатией XIX века как необоснованные. Невыполнимые – да, поэтому на стороне Турции после Синопского разгрома ее флота и выступили Англия и Франция, приведя Россию к Крымскому позору, а Николая I к самоубийству. В газетах того времени, в материалах Берлинской мирной конференции требования передачи проливов России называли наглыми, неприемлемыми и т.д. и т.п., но никто не назвал «незаконными». Как с египетскими раритетами в Англии и Франции – вроде и признают, что сто лет назад несправедно вывезли, но отдавать не собираются, вроде как уже прижились на новом месте.

А вот тот же вопрос через пятьдесят лет, перед Первой мировой войной комментировался уже совсем по-другому: «Русские требования контроля [уже не передача в собственность, а лишь контроль! – БВВ] над проливами являются примером территориальных претензий, не имеющих под собой ни малейших оснований».